

Валерий САВОСТЬЯНОВ

(г. Тула)

Савостьянов Валерий Николаевич (род. 02. 09. 1949, в д. Сергиевское Болеховского, ныне Киреевского, р-на Тульской области). Поэт, эссеист, публицист, член Союза писателей России (1997), член Международного Литфонда (2007), член Международной Гильдии писателей (2014). Ветеран труда (2011). Автор 10 книг. Лауреат множества международных и всероссийских премий, конкурсов и форумов. Награжден Почетными грамотами: Министерства культуры Российской Федерации (2010), Союза писателей России (2010), многими другими грамотами, дипломами, благодарственными письмами, юбилейными памятным медалями.

ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ С ПОЛОВИНОЙ

В боях за честь, свободу и независимость нашей Родины на Тульской земле погибло 38,5 тысячи воинов Советской Армии и партизан

Над землей родною,
Над равнинной,
Тридцать восемь тысяч
с половиной
Душ солдатских — белых облаков.
Тихо — можно к матери, к невесте,

Ветрено — и вновь они на месте
Павших командиров и стрелков.
Над землей родною,
Соловьинной,
Тридцать восемь тысяч
с половиной
Гнезд не свито — плачут соловьи.
Песням их теперь слезами вытечь:
Тридцать восемь с половиной
тысяч
В рощах их не скажут о любви.
Над землей родною,
Тополиной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Новых рощ не встанет средь полей:
Не сажать —
Откуда же им взяться?—
В честь детей своих,
что не родятся,
Здесь отцам убитым
Тополей.
Над землей родною,
Над невинной
В тридцати восьми да с половиной
Тысячах оборванных «Люблю!» —
Тридцать восемь с половиной тысяч
Звезд зажечь
И обелисков высечь!
Не успею — сыновьям велю...
Над землей родною,
Над былинной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Муромцев, Поповичей, Добрынь —
Вместе с нами
Русское раздолье
Сторожат от горя
И раздора.
И попробуй нас располовинь!..

СУЖЕНЫЙ

Он постился в пост.
Он верит в Бога.
Все всерьез!
Встревоженный звонком,
Крестится у твоего порога,
Сетует, что в доме нет икон.
Старое пальтишко — словно ряса.
Но зато,— девичье торжество!—
Розы он, единственный из класса,
Подарить спешит на Рождество.
Кто ж твоя он —
прихоть или шалость?
Ведь неясно слоникам одним,
Что ему звонишь ты, потешаясь,
Что смеешься, дурочка, над ним...
Вот он опускает очи долу,
В уголок садится на скамью,—
Но тебя он выбрал — словно долю,
Долю непреклонную свою!
И мерцает взгляд его железный
Над самовлюбленной суетой
И страстей наметившейся бездной—
Всей несокрушимой высотой!

ОРИЕНТИР

На озере Дубовом волна такая злая,
По берегам болота — не пристать.
Разрушенная церковь Святого
Николая,
Спаси ты нас: не дай нам заплутать!
Байдарку залило, промок
путеводитель,
Давно в работе кружки и казан.
Но есть ориентир!
И Ангел — мой Хранитель —

Его на горизонте указал!..
Мы еле догребли, мы чуть
не потонули,
Мы вышли на единственный мысок,
Где твердь и где дрова.
И вот не потому ли
Я вижу крест, что ярок и высок,
Я вижу:
Крест горит над новой колокольней,
Сияет Вифлеемскою звездой!
Я не могу идти дорогою окольной:
Глаза в глаза я встретился с бедой.
И есть Ориентир:
Не мстя, не укоряя,
Взять мастерки — и всем до одного
К разрушенным церквям Святого
Николая,
И всех Святых,
И Спаса самого!

ВСЕ ПРЕКРАСНО!

Все прекрасно!
Не хватает воздуха —
Мой топор без усталости, без роздыха
Бьет и бьет,
И кровь моя горит!
Все прекрасно!
В парках снега месиво,
И уже в свои четыре месяца
Сын меня улыбкою дарит.
Пусть покамест не с его силенками,
Руки, укрощенные пеленками,
Вынуть, сжав, ликуя, в кулаки,—
Все прекрасно!
Сын мой улыбается:
Скоро-скоро силушки
прибавится —

Как-никак, мы все же мужики!
Ох ты, лет стремительная
мельница!
Знаю: все однажды переменится,—
Но топор мой, выпавший из рук,
Сын возьмет — поднимет,
не поленится,
Застучит!
И сложится пленница.
И, счастливый, улыбнется внук!..

ЗА ЧАЕМ

Однажды узнаем,
Однажды замечаем,
Что, может быть, отцам
И видеть ни к чему:
Ах, как она смела,
Ах, как она за чаем
Подкладывает мед
Сынишке моему!
Где загорели так
Отчаянные плечи?
Откуда чайных глаз
Мятежные огни?
И просит сын ее —
Из чайника покрепче!
А я наоборот:
Мне крепкого — ни-ни!
Едва я отвернусь —
Ах, как они украдкой
Целуются,
И как она трепещет вся!..
Им кажется любовь,
Как чай,— горячей, сладкой!
А мне — вода-водой:
Мне сладкого нельзя...

НАПОСЛЕДОК (маме)

Снова тучи
Небо все обложили,
Но их дождь
Моим слезам не мешает.
Если б можно долго жить —
все бы жили,
Только вот Господь
не всем разрешает.
Да и правда, сколь не дай —
нам все мало:
Снова просим для себя
и любимых...
Каждый день теперь —
небесная манна,
Если только он без мук
нестерпимых.
Каждый день теперь — желаннее
года:
Даже если ни единого шанса,
Надышаться перед смертью охота.
Дайте мамочке моей надышаться!
Дайте мамочке моей наглядеться
На тропинки, что цветами расшиты:
Сбежать в детство —
у военного детства
Попросить себе
Последней защиты!
День счастливый был в судьбе ее
редок:
Пусть поищет его в юности зыбкой.
Дайте мамочке моей напоследок —
Улыбнуться
Ее горькой улыбкой...

НАШИ МАМЫ

Памяти Николая Дмитриева

Знаю: со стены из черной рамочки
Не дают поэты интервью.

Но ведь правда, Коля:
наши мамочки
Сразу познакомились в раю?
И сидят под яблонькой, и —
правда ли?—
(Видел я не раз такое в снах!)
Обе — в строгих платьях,
обе — Клавдии,
Говорят о нас, о сыновьях.
Говорят о нас — и мне икается:
Ведь любил я маму впопыхах.
Ах, как тяжело мне, Коля, каяться!
Но и ты ведь — каялся в стихах!
Да, вина в них —
неподъемной гирею,
Да, не сдвинуть крышки
гробовой,—
Но я вновь над маминой могилою
Вспомнил их, ни мертвый ни живой.
Так мне легче попросить прощения
За мои, что в двойках, дневники,
Юности дурные увлечения,
Зрелости короткие звонки.
Эти бедки — маленькие козоньки:
Просто рожки пробуют свои.
А как вспомнишь беды —
мамы слезыньки,—
Как с цепи сорвутся бугаи!
До сих пор от гнева их ревущего
К маминым коленям припадать!
До сих пор душе, Колумбу сущего,
Не дается Божья Благодать!
Пусть же, Коля, райская околица,
Где ты ныне в славе и любви,
Слышит, как за нас обоих молятся
Все твои «Ночные соловьи»...*

* «Ночные соловьи» — Москва: «Молодая гвардия», 2004.— последняя прижизненная книга стихов Николая Дмитриева.

Так — прогулки ради, дружбы
ради ли —
Ты найди, отмоленный вполне,
Яблоньку, где мамы наши Клавдии
Грезят о тебе и обо мне.
Расскажи про позднее прозрение,
Повинись за общие грехи —
И прочти мое стихотворение
И свои великие стихи...

КОЛОКОЛЕНКА

Восемь дней мы гребли без усталы,
И рубеж загаданный взят.
С колокольни Ниловой Пустыни
Мы оглядываемся назад.
Вспоминаются дали дальние,
Песни долгие у костра,
Вспоминаются Богом данные
Селигерские вечера...
Дым струится, стирая лица,
Но отчетливо вижу ту —
На какую перекреститься
Захотелось мне — красоту.
И мне кажется: не случайно я
Ждал и нежность приберегал
Для очей твоих
Цвета чайного,
Цвета сосен по берегам.
Все — родное, и все — в диковинку,
И я знаю: навек уже,
Будто звонкую колоколенку,
Унесу я тебя в душе!
Унесу я тебя, высокую,
С песней щедрою и простой,
Камышом и речной осокою
Выводящую на простор.
Чтоб в моей Одинокой Пустыни
Свет сосновых очей светил,
Чтоб идти мне всегда без усталы
На надежный ориентир.